

А. Л. ВИПНЕВСКИЙ
ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ МХАТ

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И ПРИМЕЧАНИЯМИ
А.Л. СЛОНИМСКОГО

«А С А Д Е М І А»

ЛЕНИНГРАД

1 9 2 8

ЕЩЕ О ЧЕХОВЕ

После Таганрога мы разлучились с Чеховым: он поехал в Москву в университет, а я странствовал по провинциальным городам, в качестве актера. Только однажды за это время мы столкнулись как то в Москве на одном вокзале.

Потом, когда мы снова увиделись уже на репетиции «Чайки», он припомнил эту мимо-летнюю встречу.

— Послушайте, у вас еще была такая замечательная шинель,—сказал он и весело рассмеялся.

Мы скоро опять сблизились, и Чехов постоянно относился ко мне с дружеским вниманием, как к своему бывшему «однокашнику» по таганрогской гимназии.

Чехов часто говорил мне:

— Послушайте, почему это меня считают пессимистом? Ведь я же совсем не пессимист. Это все выдумали одесские репортеры.

Отчего то он винил во всем «одесских репортеров».

В доказательство своей веселости он тут же рассказал такой случай.

Проезжал он как то со своим приятелем Гиляровским¹ рано утром на лихаче мимо генерал-губернаторского дома в Москве. В руках у него был обернутый в бумагу и завязанный бечевкой арбуз. На площади стоял постовой городской, добродушный старик, который, увидев проезжающих, взял под козырек и приветствовал их: «Здравия желаю!» Антон Павлович внезапно остановил лихача. «Держи!» крикнул он городовому, бросая ему на руки арбуз. Потом, приказав кучеру ехать, обернулся и крикнул ему вслед: «Бомба!» Оторопевший городской так и остался с арбузом в руках.

— Ну, какой же я после этого пессимист? — говорил Антон Павлович, покатываясь со смеху.

Не знаю, было ли это на самом деле, или Антон Павлович сочинил все это ради шутки. Он любил иногда морочить людей и выдумывать всякие небывалые истории.

Мне самому часто приходилось наблюдать ребячливую веселость Антона Павловича, и я не

¹ Гиляровский, Владимир Алексеевич, московский журналист и беллетрист, род. в 1855 г. (С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь, Список, т. I, Петроград. 1915, стр. 178). Чехов был дружен с ним с конца 80-х годов и в шутку называл его «Гиляем».

удивлялся, что он не признает себя пессимистом.

С каждым приездом Антона Павловича в Москву мы ходили с ним в цирк Соломонского. Он очень любил клоунов и эксцентриков, от которых хохотал до упаду, как ребенок. После представления отправлялись ужинать, недалеко от цирка, в Эрмитаж; его любимым блюдом были котлеты из судака. Он заказал их и на этот раз. Каково же было недоумение А. П., когда ему подали, вместо судака, — телячью рубленную с гарниром?! Он постеснялся сказать, что это не то, и предпочел спокойно поковырять ненавистную ему телячью котлету. Расплатившись, он вышел на улицу и всю дорогу покатывался от смеха.

После долгого и позднего чествования Ант. Пав. на спектакле «Вишневого сада», — я отвез его домой, взяв с собою все подарки, которые ему поднесли. В числе их были подношения Константина Сергеевича, — какая то допотопная чернильница и большой кусок старинной материи на крышку его письменного стола. Опять гомерический хохот — и долго А. П. меня спрашивал:

«Послушайте, почему Станиславский думает, что я любитель музейных вещей, — ведь я эту гадость терпеть не могу. Боже мой, боже мой, вот опять будут говорить одесские

репортеры, что Чехов любитель старинных вещей,—теперь меня завалят этой дрянью».

Антон Павлович любил шутить и с самым серьезным видом обманывать. Так он сделал со мною, обещав в назначенный день и час прийти ко мне, в меблированные комнаты «Тюрби» на Неглинной, пить чай. Я собрал для него моих хороших друзей, которые жаждали его повидать. Прождав его до 6-ти часов, я позвонил в гостиницу «Дрезден» и с удивлением узнал, что сегодня рано утром Ант. Пав. уехал вместе с Ольгой Леонардовной в свадебную поездку на кумыс в Шафраново (Уфимск. губ.).

Чехов, живя лето в Тарасовке,¹ получил рано утром от нашего актера Тихомирова телеграмму, в которой тот поздравлял Ольгу Леонардовну с днем ангела. За доставленную нарочным телеграмму А. П. уплатил 2 рубля. Он был скуповат, и эта телеграмма испортила ему настроение,—он прибежал ко мне наверх, взволнованный, и кричал: «Ольга Леонардовна совсем не русская, а немка. Поэтому она не

¹ Тарасовка—железнодорожная станция, около которой, в Любимовке, находилась дача Станиславского. Чехов гостил здесь, в отсутствие хозяев, в июле 1902 г., после прогулки по Каме.

именинница и требует, чтобы театр взял у Тихомирова все роли в моих пьесах, в наказание за телеграмму».

Провожая А. П. в последний раз в Ялту, я на вокзале, в киоске, купил открытку и, отдавая ему, просил по приезде черкнуть несколько слов. На открытке была фотография Антона Павловича, а под ней напечатано так: Антон Павлович, Чехов. По приезде его в Ялту я получил от него ту же открытку с запросом: почему после Антона Павловича (запятая) Чехов?» Эту запятую еле еле можно было разобрать простым глазом.

Помню еще, как Антон Павлович шутливо уговаривал за обедом свою сестру, Марию Павловну, поступить на сцену.

— Послушай, Маша, пошла бы ты на сцену, — говорил он.

— Ты все смеешься, — обидчиво отвечала та.

— Правда же, — продолжал Антон Павлович, — Чеховы теперь в ходу. Ты будешь иметь успех.

Очень сердился Чехов, когда отрицали его докторские права, или пренебрежительно относились к его докторскому знанию.

Однажды я провинился в этом отношении.

— Будем откровенны, Антон Павлович, — сказал я. — Вся Россия любит вас, как писателя, а не как доктора.

— Послушайте, — сердито возражал Чехов. — Меня же зовут на консультации. Я же Левитана лечил.

Он долго дулся на меня. Желая его утешить, я как то обратился к нему за медицинским советом, жалуясь на боль в спине.

— Послушайте, — вы же никогда не умрете, — ответил он, не желая забыть нанесенную ему обиду.

Бывали у Чехова и грустные минуты.

Мы жили с ним в Тарасовке, на даче у Станиславского. Был вечер субботы. Звонили к вечерне. Было пасмурно, накрапывал дождь. Чехов сидел одиноко в беседке. Ольга Леонардовна, беспокоясь, чтобы он не простудился, просила меня позвать его домой. Я пошел в беседку.

— Что вы так сидите? — спрашиваю.

Он молчал, слушая перезвон колоколов.

— Это все, что осталось у меня от религии, — произнес он потом.

Чехов, как известно, очень любил рыбную ловлю.

— Сидишь вот так с удочкой и все думаешь, — говорил он. — Если я так много пишу, то этому я обязан удочке¹.

Я привозил Антону Павловичу пачку провинциальных газет. Сидя с удочкой на берегу Клязьмы, он просматривал газеты, интересуясь, главным образом, отделом происшествий. Иногда я читал ему вслух. В провинциальной хронике Антон Павлович отыскивал для себя темы.

Во время одной прогулки в той же Тарасовке Чехов поделился со мной планом пьесы без героя. Пьеса должна была быть в четырех действиях. В течение трех действий героя ждут, о нем говорят. Он то едет, то не едет. А в четвертом действии, когда все уже приготовлено для встречи, приходит телеграмма о том, что он умер. План этот очень характерен для Чехова.

Так называемые «декаденты» не слишком пользовались сочувствием Антона Павловича.

¹ «Я живу в Любимовке, на даче у Алексева (Станиславского)», пишет Чехов Горькому, «и с утра до вечера ужу рыбу. Речка здесь прекрасная (Клязьма), глубокая, рыбы много. И так я обленился, что самому даже противно становится». (Письма, т. VI, стр. 238.)

Как то на вечере, устроенном Марьей Павловной, читал К. Д. Бальмонт. Собралось много молодежи. Мы с Антоном Павловичем сидели в другой комнате. Антон Павлович приоткрыл дверь в залу, послушал немного, а потом сказал:

— Послушайте, что если бы кто из вас прочел сейчас хорошо Некрасова? Что бы от Бальмонта осталось?

— — —

Чехов не умел ни в чем отказывать—это была его слабость. Куда бы он ни приезжал, повсюду начиналось паломничество к нему. Кто являлся с пьесой, кто с романом, кто с денежной просьбой. И он всех принимал.

Во время отдыха в Тарасовке ему особенно надоедал какой то господин, приезжавший из Москвы. Визиты этого господина, келейно совещавшегося о чем то с Чеховым, меня заинтриговали, но я из скромности не спрашивал, что это за субъект.

Чехов тогда собирался покупать себе подмосковную дачу. Как то мы втроем—он с женой, О. А. Книппер, и я—отправились осматривать одну дачу, которую ему предлагали. Навстречу нам попался этот самый господин, шедший с вокзала. Чехов, увидев его, моментально поднял воротник пальто. Я недоумевал, в чем дело.

На другой день Антон Павлович попросил меня перевести по почте шесть рублей по адресу своего посетителя. Оказалось, что тот, вообразив Чехова богачом, сначала требовал от него сто тысяч рублей на осуществление какого то благотворительного плана, а потом помирился на шести рублях в возмещение своих железнодорожных расходов.

Как то Антону Павловичу стало скучно в Тарасовке и захотелось ему позавтракать и выпить кружку мюнхенского пива в московском ресторанчике «Альпийская роза». Он подговорил меня отправиться вместе.

Приезжаем на станцию в последнюю минуту. Я втокнул Антона Павловича в первый попавшийся вагон. Билета он не успел купить, а у меня был сезонный.

Вагон оказался для курящих. Табачного воздуха Чехов не переносил. Соседи, несмотря на кашель Чехова, продолжали курить ему в нос. Я пробовал увести его в другой вагон, но он отнекивался, боясь, что это будет обидно для спутников. Наконец, когда мне все таки удалось перетащить его в другой вагон, он с трудом отдышался и проговорил:

— Какие невежливые люди.

Это была первая неприятность. За ней последовала другая.

Пришел контроль. Я предъявил свой сезонный билет. У Чехова билета нет. Штраф—три рубля. Чехов заплатил, но был ужасно огорчен.

— Вот не везет...—говорил он.

Наконец, приезжаем в Москву. Дождь. Я взял извозчика, велел поднять верх.

— Вот увидите, еще будет неприятность,—предсказывал Чехов.

И действительно. На дверях ресторана «Альпийская роза» нас встретила надпись: «По случаю ремонта кухни ресторан закрыт».

Эта неудача произвела на Чехова потрясающее впечатление. Я никогда не видел его в таком огорчении. Он сидел на извозчике, шевелил плечами и твердил в полном отчаянии:

— Вот видите, вот видите...

Все эти мелочи—и милые шуточки Чехова, и проявления его грусти—собираются в моей памяти в один нежный, ласковый образ. Дружеская связь с Чеховым сделала для меня близкой и понятной грустное очарование его поэзии и в особенности его пьес. И сейчас, играя его дядю Ваню, я чувствую свою роль так же свежо и полно, как и тридцать лет назад, когда я играл ее совсем в другой исторической обстановке.